

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

ОБРАЗЫ НЕПРИКАЯННЫХ В «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКАХ»

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Неприкаянный человек – главный герой русской классической литературы. М. Е. Салтыков-Щедрин был среди тех великих русских писателей, кто обнаружил этого героя вслед за А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Н. В. Гоголем и А. И. Герценом.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, смысл жизни, неприкаянный, наука, искусство, литература, нравственность, политика.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

THE IMAGES OF THE ROOTLESS

IN «PROVINCIAL SKETCHES» BY M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

The rootless person is the main character of the Russian classical literature. M.E. Saltykov-Shchedrin was among those great Russian writers who found that hero after A.S. Griboedov, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol and A.I. Herzen.

Key words: M.E. Saltykov-Schedrin, the meaning of life, the rootless, science, art; literature, moral, politics.

Корепанов, Лузгин, Буеракин, не сумевшие найти общественно полезного применения своим способностям, растерявшие все свои живые начала и погру-

жившиеся в тину мелочей и праздной мечтательности, – таковы основные фигуры в «групповом портрете» российского помещичьего дворянства, созданном в «Губернских очерках».

С. А. Макашин

Неприкаянными мы называем людей, не нашедших общественно полезного места в жизни. Такие люди появились в русской литературе у двух Александров Сергеевичей – Грибоедова и Пушкина.

Неприкаянным грибоедовского Чацкого назвал А. И. Герцен. Действительно, герой А. С. Грибоедова не нашёл себе места в фамусовской Москве. Он оказался в ней лишним. С негодованием он восклицает в конце комедии:

*Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорблённому есть чувству уголок!..
Карету мне, карету!*

А чем он будет заниматься, этот обличитель, «печальный, неприкаянный в своей иронии, трепещущий от негодования, преданный мечтательному идеалу» (А. И. Герцен), когда такой уголок отыщет и в нём отдохнёт? Неизвестно. Есть предположение, что он останется в положении человека неприкаянного и в будущем.

В положении неприкаянного мы видим и пушкинского Онегина. Его попытки найти своё место в жизни не увенчались успехом. Пытался он, например, заниматься исторической наукой. А что из этого вышло?

*Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.*

Чацкий и Онегин – родоначальники неприкаянных героев нашей литературы. За ними последует лермонтовский Печорин. Если Чацкий и Онегин не особенно переживают по поводу своей неприкаянности, то для Печорина она стала трагедией. Свою неприкаянность он переживает с трагическим накалом: «Пробегаю в памяти всё моё прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения» [Лермонтов, 1990, с. 564].

Со школьных лет помню о том впечатлении, какое произвёл на меня лермонтовский Печорин. Оно было двойственным. С одной стороны, меня поразили безысходный трагизм его жизни, а с другой, я был возмущён его эгоистическим поведением по отношению к окружающим людям (в особенности по отношению к Максиму Максимовичу).

В Печорине, говоря языком Г. Гегеля, есть тезис и антитезис – позитив и негатив. Каким же оказался синтезис? Он оказался на стороне тезиса. Вот почему мы в большей мере сочувствуем Печорину, чем его осуждаем. Вот почему мы готовы списать его эгоизм на тлетворное влияние общественной среды. Вот почему мы видим в нём в большей мере жертву этой среды, чем плод его собственной несостоятельности. Вот почему мы с глубокомыслием внимаем ему, слушая, например, такие его слова:

«Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей роди-

лось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой» [Лермонтов, 1990, с. 542].

Печорин не может найти своего места в жизни. За ним последовали другие неприкаянные герои русской литературы, которых И. С. Тургенев назвал лишними. К Чацкому, Онегину и Печорину присоединились в дальнейшем Бельтов у А. И. Герцена, Рудин у И. С. Тургенева, Обломов у И. А. Гончарова, Молотов у Н. Г. Помяловского и др.

Выходит, неприкаянность – весьма характерная черта многих героев русской классической литературы. Однако к оценке этих героев их творцы подходили по-разному – положительно и отрицательно. Преобладала первая – положительная – оценка.

Другую позицию по отношению к «лишним людям» занял Н. В. Гоголь. Во втором томе своих «Мёртвых душ» он вывел героя, который хоть и переживает по поводу своей никчемной жизни, но ничего в ней изменить не может. Он живёт в своей деревне как во сне. Его создатель так отрекомендовал своего героя: «А между тем в существе своём Андрей Иванович был не то доброе, не то дурное существо, а просто – коптителъ неба. Так как уже немало есть на белом свете людей, копящих небо, то почему же и Тентетникову не коптить его?.. Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена – увальни, лежебоки, байбаки и тому подобные» [Гоголь, 1984, с. 372–373].

Гоголевский Тентетников – тоже неприкаянный. Как и другие неприкаянные герои русской литературы, он не нашёл своего места в общественной жизни. Но его создатель даёт ему, как мы только что видели, отрицательную оценку. При этом он вписывает его в разряд увальней, которых на Руси хоть пруд пруди.

М. Е. Салтыков-Щедрин в описании неприкаянных пошёл по гоголевскому пути. Вот почему он писал об их благородной тоске с резким осуждением: «Ни англичанин, ни француз, ни немец не сделают из тоски постоянного занятия и

тем менее не будут хвалиться, что вот, дескать, мы страдаем «благородной» тоской. Ибо даже наиблагороднейшая тоска – и та представляет собой нечто несознанное, безвыходное, свойственное лишь бессильным и недоумевающим людям» [Салтыков-Щедрин, 1965, т. 14, с. 81].

Автор этих слов не очень верил в «благородную тоску» так называемых лишних людей. Он изобразил в своих произведениях, в частности, Чацкого и Рудина не совсем «лишними», а на некоторое время нашедшими своё место под солнцем. Первого в «Господах Молчалиных» он сделал директором департамента Государственных Умопомрачений, а второго – директором департамента Распределения Богатства. Об ироническом отношении к ним со стороны Е. М. Салтыкова-Щедрина свидетельствует, в частности, история жизни Александра Андреевича Чацкого после Москвы. О ней нам поведал его бывший соперник Молчалин:

«В то время департамент “Государственных Умопомрачений” учреждён был, а Александр Андреевич туда директором назначение получил. Ну, и меня заодно помощником экзекутора определил... Этот департамент Александр Андреевич даже сам для себя и проектировал. Ведь он, после того как из Москвы-то уехал – в историю попал, в узах года с полтора высидел, а как выпустили его потом на все четыре стороны, он этот департамент и надумал. У нас, говорит, доселе по простоте просвещали: возьмут заведут школу, дадут в руки указку – и просвещают. Толку-то и мало выходит. А я, говорит, так надумал: просвещать посредством умопомрачений. Сперва помрачить, а потом просветить... Последовательности в нём не было, строгости этой. То вдруг велит науки прекратить, а молодых людей исключительно с одними сонниками знакомить, а потом, смотришь, сонники в печку полетели, а науки опять в чести сделались. Всё, знаете, старинное московское вольнодумство в нём отрыгалось. Ну, и вышло, что ни просветил, ни помрачил!.. Всего годков с десять директором посидел. А под конец даже опустился совсем. “Опротивело!” – говорит. Придётся, это, бывало, с докладом, а он: “Ах, говорит, как всё мне противно!” Или вдруг монолог: “Уйду, говорит, искать по свету, где оскорблённому есть чувству уго-

лок!” И что ж бы вы думали! – на одиннадцатом году подал-таки в отставку!.. В имении своём, в венеvском, живёт. И Софья Павловна с ним. И посеvчас как голубки живут» [там же. Т. 12, с. 34].

Печорин в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1839) выступает как неприкаянный в единственном числе. Он так же уникален, как и его автор. Нелишне знать, что современники обнаруживали в Печорине сходство с самим М. Ю. Лермонтовым. Так, В. Г. Белинский писал В. П. Боткину 16 апреля 1840 г.:

«Кстати: вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант!.. О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!.. Женщин ругает... Мужчин он также презирает, но любит одних женщин, и в жизни только их и видит. Взгляд чисто онегинский. Печорин – это он сам, как есть» [Бондаренко, 2013, с. 301].

Неприкаянные люди в «Губернских очерках» (1857) М. Е. Салтыкова-Щедрина, как и у Н. В. Гоголя, утрачивают свою уникальность. В России, оказывается, их не так уж и мало. В особенности – в провинции. В самом начале цикла «Талантливые натуры» автор очерков с печоринских высот опускает их на грешную землю. Он пишет: «В провинции печоринство приняло совершенно своеобразные формы; оно утратило свой демонический характер, свою прозрачность и нежность, которыми в особенности привлекает к себе симпатии дам, и облеклось в свой будничнvй, плотяной наряд, вполне соответственнvй нашему северному климату, который, как известно, ничего прозрачного и лёгкого не терпит» [Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 277].

«Провинциальных Печориных, – иронизирует сатирик далее, – такое множество разных сортов и видов, что весьма трудно исчерпать этот предмет подробно. Одни из них занимаются тем, что ходят в халате по комнате и от нечего делать посвистывают; другие проникаются желчью и делаются губервскими Мефистофелями; третьи барышничают лошадьюми или передёргивают в карты; четвёртые выпивают огромное количество водки; пятые переваривают на досуге своё прошедшее и с горя протестуют против настоящего... Общее у всех этих господ: во-первых, "червяк", во-вторых, то, что на "жизненном пире" для них

не случилось места, и, в-третьих, необыкновенная размашистость натуры. Но главное – червяк. Этот глупый червяк причиною тому, что наши Печорины слоняются из угла в угол, не зная, куда приклонить голову» [Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 277].

В «Губернских очерках» М. Е. Салтыков-Щедрин познакомил своих читателей с тремя неприкаянными – Корепановым, Лузгиным и Буеракиным.

Иван Павлович Корепанов

Повествование в «Губернских очерках» ведётся от лица Николая Ивановича Щедрина, а не от лица Михаила Евграфовича Салтыкова. Но в Щедрина мы легко распознаём Салтыкова, который по воле Николая I за повесть «Запутанное дело» (1848) оказался в вятской ссылке. Но эта была своеобразная ссылка: в течение семи с половиной лет он с энтузиазмом служил чиновником в вятском губернском управлении. Его успехи на чиновничьем поприще оказались настолько внушительными, что Александр II счёл возможным назначить его в 1858 г. на пост вице-губернатора в Рязани. Он занимал высокие чиновничьи посты и в других городах – в Твери, Пензе и Туле. Только в 1868 г. он ушёл в отставку с государственной службы.

В конце 1855 г. Александр II разрешил М. Е. Салтыков-Щедрину вернуться из вятской ссылки в Петербург. В течение 1856–1857 г. он публиковал свои «Губернские очерки» в катковском «Русском вестнике». Они сделали его знаменитым. Вятку в них он называет Крутогорском.

Иван Корепанов – молодой крутогорский коллега Щедрина. Он – чиновник. Однако в отличие от Щедрина, который добросовестно выполняет свои служебные обязанности с искренней верой в их общественную пользу, Корепанов относится к своей службе формально. Он, как и полагается провинциальному Печорину, не нашёл в ней своего места. Своё призвание он нашёл в неиссякаемой злобе по отношению к своим землякам – жителям Крутогорска.

«Знаете, – говорил Корепанов Щедрина, – странная! никто меня здесь не задевает, все меня ласкают, а между тем в сердце моём кипит какой-то страшный, неистощимый источник злобы против всех их! И совсем не потому, чтобы я

считал их отвратительными или безнравственными – в таком случае я презирал бы их, и мне было бы легко и спокойно... Нет, я злобствую потому, что вижу на их лицах улыбку и веселие, потому что знаю, что в сердцах их царствует то довольство, то безмятежие, которых я, при всех своих благонамеренных и высоко нравственных воззрениях, добиться никак не могу... Мне кажется, что самое это довольство есть доказательство, что жизнь их всё-таки не прошла даром и что, напротив того, беснование и вечная мнительность, вроде моих, – признак натуры самой мелкой, самой ничтожной... вы видите, я не щажу себя! И я ненавижу их, ненавижу всеми силами души, потому что желал бы отнять в свою пользу то умение пользоваться дарами жизни, которым они вполне обладают...» [Салтыков-Щедрин, 1965, т. \2, с. 282–283].

Печоринское высокомерие приобрело в Корепанове форму дикой злобы по отношению к людям, которые живут лучше, чем он.

Павел Петрович Лузгин

В Петербурге, где Лузгин учился вместе со Щедриным, этот второй щедринский Печорин был полон нерастраченной энергии. Но эта энергия заглохла в его деревенском поместье. В результате он смирился со своей неприкаянностью.

Бывший Печорин заявил Щедрину после пятнадцати лет разлуки: «Ищите вы! Наше дело сторона; мы люди непричастные, мы сидим да глядим только, как вы там стараетесь и как у вас ничего из этого не выходит!» [Там же. С. 290].

Лузгин пришёл к тотальному отрицанию всякого труда. На предложение Щедрина найти какие-нибудь занятия он восклицает: «А какие это, позвольте спросить? в торговлю броситься – на это есть почтенное купеческое сословие; земледельцем быть – на это существуют мирные поселяне... Литература! наука! а позволь, брат, узнать, многому ли мы с тобой выучились? Да предположим, что и выучился я чему-нибудь, так ведь тут мало ещё одного знания, надобен и талант... А если у меня его нет, так не подлец же я в самом деле, чтобы для меня из-за этого уж и места на свете не было... нет, любезный друг, тут как ни кинь, всё клин! тут, брат, червяк такой есть – вот что!» [Там же].

Вот как Лузгин излагает свою предысторию: «Вышел я тогда, как у нас говорят, из ученья, поехал, разумеется, к родителям, к папеньке, к маменьке... Отец стал на службу нудить, мать говорит: около меня посиди; ну, и соседи тоже лихие нашлись – вот я и остался в деревне. Тут же отец помер... а впрочем, славное, брат, житье в деревне! я хоть и смотрю байбаком и к лености с юных лет сердечное влечение чувствую, однако ведь на всё это законные причины есть... Приедешь иной раз в город – ну, такая, братец, там мерзость и вонь, что даже душу тебе воротит! Кляузы, да сплетни, да франтовство какое-то тупоумное!.. А воротишься в деревню – какая вдруг божья благодать всю внутренность твою просветлит! выйдешь этак на лужайку или вот хоть в лесок зайдешь – так это хорошо, и светло, и покойно, что даже и идти-то никуда не хочется!» [Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 292].

Своей праздности Лузгин не стыдится: «Кто привык каждый день пшеничные пироги есть, тому ржаной хлеб только оскомину набьёт; кто привык на пуховиках отдыхать, тот на голом полу всю ночь проворочается, а не уснёт! Я привык уж к праздности, я вьелся в неё до такой степени, что даже и думать ни о чём не хочется, точно, знаешь, все мыслящие способности пеленой какою-то подернуты: не могу, да и всё тут!» [Там же. С. 294].

У автора этих слов есть и другое оправдание своей паразитической жизни: он считает себя артистической натурой. Но в каком смысле? «Я вспомнил то, – отвечает Щедрин, – что слово "артист" было всегдашним коньком Лузгина, по мнению которого, "артистическая натура" составляла нечто не только всеобъемлющее, но и все извиняющее. Артистической натуре, на основании этого своеобразного кодекса, дозволяется сидеть сложивши руки и заниматься разговором сколько душе угодно, дозволяется решать безапелляционно вопросы первой важности и даже прорицать будущность любого народа. Артистической натуре отпускаются наперёд все грехи, все заблуждения, ибо уму простых смертных могут ли быть доступны те тонкие, почти эфирные побуждения, которыми руководствуются натуры генияльные, исключительные» [Там же. С. 295].

Владимир Константинович Буеракин

Перекличка с Печориным в Буеракине заявляет о себе в противоречивости его качеств: «С одной стороны, не подлежало сомнению, что в душе его укоренились те общие и несколько тёмные начала, которые заставляют человека с уважением смотреть на всякий подвиг добра и истины, на всякое стремление к общему благу. Но, с другой стороны, рядом с этими убеждениями, воспиталось в нём и другое чувство – чувство исключительности, заставлявшее его думать, что цивилизация, со всеми её благами и плодотворными последствиями, может принадлежать в полную собственность лишь ему и другим Буеракиным» [Там же. С. 301].

Унаследовав от отца село Заовражье, Буеракин закрепил чувство своей фамильной исключительности известным способом: он отдалился от внешнего мира в своём имении. На первых порах он попытался быть полезным своим крепостным, «но роль благодетельного и просвещённого помещика не далась ему. Сам ли он был с изъянцем, или крестьяне у него оказались оболтусами – неизвестно; но он должен был оставить административные поползновения свои. В результате оказалось, что, живучи в деревне, он достиг только того, что обрюзг и страшно обленился, не выходя по целым дням из халата» [Там же. С. 302].

Все дела по управлению имением Буеракин переложил на управляющего – тупого и дикого («то выпорот, что называется, вплотную, сколько влезет, то зубы расшибёт») [Там же. С. 312]. Но должность управляющего ему представляется по существу излишней: «У меня такое глубокое убеждение в совершенной ненужности вмешательства, что и управляющий мой существует только для вида, для очистки совести, чтоб не сказали, что овцы без пастыря ходят...» [Там же. С. 304].

Свою лень Буеракин возвёл в высшую ценность. Он философствует: «И вы не можете себе представить, какая втягивающая, почти одурманивающая сила заключается в этой лени! Ходишь этак по комнате, ходишь целый день, а мысли самые милые, самые разнообразные так и роятся, так и роятся в голове...

Иная даже как-то особенно пристанет к тебе, словно вот пчела жужжит, да так сладко, так успокоительно. Ну, и доволен, да ещё так доволен, что на приезд постороннего – я не говорю этого об вас – смотришь как на что-то вроде наказания... Знаете, я всё добиваюсь, нельзя ли как-нибудь до такого состояния прийти, чтоб внутри меня все вконец успокоилось, чтоб и кровь не волновалась, и душа чтоб переваривала только те милые образы, те кроткие ощущения, которые она самостоятельно выработала... вы понимаете? – чтоб этого внешнего мира с его прискорбием не существовало вовсе, чтоб я сам был автором всех своих радостей, всей своей внутренней жизни...» [Там же].

У Буеракина, как и у гоголевского Тентетникова, множество и других радостей. Если Печорин попользовался Бэлой, то Буеракин – хорошенькой Пашенькой – пятнадцатилетней дочкой кучера. Нет ничего удивительного в том, что для этого бывшего Печорина нет ничего более приятного, чем его помещичья жизнь. Он восклицает: «А знаете ли, отличная вещь – быть помещиком! как подумаешь этак, что у тебя всего вдоволь, всякого, что называется, злаку, так даже расслабнешь весь – так оно приятно!» [Там же. С. 309].

Корепанов, Лузгин и Буеракин – выродившиеся Печорины. С лермонтовским Печориным их объединяет неприкаянность. Как и лермонтовский герой, они не нашли общественно полезного места в жизни. Но лермонтовский герой намного болезненнее переживает свою неприкаянность, чем щедринские неприкаянные. М. Ю. Лермонтов создал своему «герою нашего времени» ореол мученика. Более того, смерть этого героя делает его фигуру трагической.

Со щедринскими неприкаянными дело обстоит иначе. Они лишены ореола мученичества и не отмечены печатью трагизма. Их печоринство по существу осталось в прошлом. Они успокоились на паразитическом образе жизни. Мелкий чиновник Корепанов нашёл себе утешение в злобе, а Лузгин и Буеракин радуются прелестям помещичьей жизни в деревне.

Библиографический список

1. *Бондаренко В. Г.* Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 2013. 574 с.

2. *Гоголь Н. В.* Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 495 с.
3. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения. Т. 2. М.: Правда, 1990. 704 с.
4. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в двадцати томах. М.: Художественная литература, 1965.

References

1. *Bondarenko V. G.* (2013). Lermontov. Moscow : Molodaya Gvardiya, 2013. 574 p. (in Russian)
2. *Gogol N. V.* (1984). Selected works in two volumes. Vol.2. Moscow : Khudozhestvennaya Literatura, 1984. 495 p. (in Russian)
3. *Lermontov M. Yu.* (1990). Works. Vol.2. Moscow : Pravda, 1990. 704 c. (in Russian)
4. *Saltykov-Shchedrin M. E.* (1965). Collected works in twenty volumes. Moscow : Khudozhestvennaya Literatura, 1965. (in Russian)